

Александр
БЛОК

Сочинения

Александр Александрович Блок

Горький о Мессине

«Ужасно коротка наша память. Живем со связанными руками и ногами, и скромнейшие из наших начинаний сплошь и рядом кончаются неудачей. Все „вьется да вертится“ вокруг Недотыкомки, „истомила присядкою зыбкою“. Оттого пустеет душа и пустеет память...»

Александр Блок Горький о Мессине

Ужасно коротка наша память. Живем со связанными руками и ногами, и скромнейшие из наших начинаний сплошь и рядом кончаются неуспехом. Все «вьется да вертится» вокруг Недотыкомки, «истомила присядкою зыбкою». Оттого пустеет душа и пустеет память.

Так перестали мы вспоминать и об итальянской катастрофе, которая вызвала такую бурю в печати всех стран. Но хор голосов быстро прошумел и умолк. Австрийцы приплели сюда неслыханно циничную политику, а мы, как водится, и политику, и дешевый либерализм; и это, как все нынешнее, быстро исчерпалось, утонуло в лужах личного эгоизма и в болотах всеобщих благородных чувств.

Между тем сицилийское и калабрийское землетрясение – событие мировой важности, и оценить его мы доселе не в состоянии. Что бы ни говорили, как бы ни локализовали его значение – оно *изменило* нашу жизнь. Как изменило, определить мы не можем, но невозможно не верить, что оно отозвалось и еще отзовется на событиях нашей внешней, а особенно внутренней жизни. Просто нужно

быть слепым духовно, незаинтересованным в жизни космоса и нечувствительным к ежедневному трепету хаоса, чтобы полагать, будто формирование земли идет независимо и своим чередом, никак не влияя на образование души человека и человеческого быта.

Максим Горький и профессор Вильгельм Мейер написали очень непритязательную книгу, посвященную, главным образом, живому описанию всего виденного и слышанного в Мессине и Калабрии в несчастный канун этого года.[1] Здесь сообщаются факты, отчасти памятные по газетным отчетам, но материал безмерно больше, а главное – живее и непосредственнее. Любой факт, сообщаемый этой книгой, производит впечатление неизгладимое и безмерно превосходящее все выдуманное ужасы современных беллетристов, которыми питаемся преимущественно мы – жители столиц; как бы, при внезапной вспышке подземного огня, явилось лицо человечества – на один миг; но в этот драгоценнейший миг мы увидели то, что постоянно забываем, то, от чего нас систематически отрывают несчетные «стиликации» – политиче-

ские, общественные, религиозные и художественные личности человека; того лица подлинного, неподдельного, обыкновенного человека, которое мелькнуло в ярком свете, можно было испугаться, до того мы успели от него отвыкнуть. Написано на нем было одновременно, как жалок человек, и как живуч, силен и благороден человек. И все это – без подкраски, без ретуши. Достоинно примечания, что и *без одежды*: землетрясение, как известно, застигло южную Италию в 5 часов 20 минут утра, и люди, оставшиеся в живых, бежали среди падающих и пылающих во мраке развалин – голые или почти голые: точно на мощных фресках Синьорелли – десятки мужчин и женщин, одетые одной плотью в день «свержения Антихриста»; и ангелы, сложившие руки на мечях, спокойно вззирающие с высоты на эту страшную земную суматоху.

Ничем не заменимое чутье потерял человек, оторвавшись от природы, утратив животные инстинкты! Как раз накануне землетрясения, в доме Анджелиса, впоследствии разрушенном (вся семья спаслась), рассказывает В. Мейер, «детям читали какую-то книгу по

естественной истории о крысах, которые будто бы способны предчувствовать надвигающуюся опасность и заблаговременно оставлять опасное место. Дом, лежащий при море, никогда не бывает вполне свободен от крыс. Их возню часто слышали за плетеной камышовой рогожкой, которая здесь часто подвешивается прямо на балкон. И вот в последнюю неделю стали замечать, что этот шум становился как будто все реже. „Но две-то, – говорили шутя, – все-таки еще остаются“. Однако как раз накануне катастрофы наступила полнейшая тишина. Если бы это наблюдение сочли тогда за серьезное предзнаменование!»

То же самое рассказывает Горький о кошке – в той же семье Анджелиса. «Минут за десять до катастрофы служанка была разбужена неистовым мяуканьем кошки, которая бросалась на стену, царапалась и вообще, по выражению служанки, вела себя так, точно в нее залез дьявол. Служанка зажгла свет и пошла в кухню успокоить кошку – в этот самый момент ее застигло землетрясение».

Так вот каков человек с одной стороны: слабее крысы, беспомощнее кошки! Так назы-

ваемый «эпицентр», центральный очаг землетрясения, приходился как раз посредине Мессинского залива, несколько ближе к берегу Калабрии. Здесь образовались воронки из воды, уходившей в трещину дна, так что море на целый час ушло с земли на пятьдесят метров (пока пролив не заполнился опять); здесь родилась та волна, которая смыла на обоих берегах здания, суда, живых и мертвых. Знаменательно, что никто из людей не предчувствовал страшной силы развития «центрального огня» древних под самыми ногами. А сила эта была такова, что опустошения, произведенные ею на поверхности земли, надо считать сравнительно ничтожными.

В минуту катастрофы и несколько часов после нее люди были охвачены паникой, безумием, совершенно растеряны, несчастнее зверей. Но какие же чудеса человеческого духа и человеческой силы были явлены потом! Все рассказы о грабежах, насилиях, растерянности правительства оказались впоследствии, – пишет Горький, – если не сплошной ложью, то преувеличением разнузданного репортерского воображения.

В несколько суток собраны были миллионы лир, посланы тысячи солдат на военных кораблях. К рабочим, студентам, солдатам, королю, королеве можно было применить в те дни выражение одной итальянской газеты: «объединенные горем». И какая красота скорби, самоотвержения, даже самого безумия! Поистине, об Италии тех дней можно сказать горестными словами Лаэрта об Офелии:

*Тоску и грусть, страданье, самый
ад —
Все в красоту она преобразила.*

Русскими матросами «были вырыты две девочки; они сидели под кроватью, играя в пуговицы, а все их родные были задавлены насмерть».

Матросы с «Макарова» увидели на развалинах женщину: почти обнаженная, она сидела среди обломков, держа в руках оторванную детскую голову, прижимала ее к груди и напевала какую-то грустную песенку. Хотели взять у нее эту голову и отвести женщину куда-нибудь в более безопасное место, она пришла в бешенство, стала драться, кусаться,

кричать. Когда от нее уходили, она успокаивалась, снова качала голову и пела. Матросы позвали итальянцев, и те сказали, что женщина эта – жена офицера, считалась одной из первых красавиц Мессины, а в руках у нее голова сына, мальчика Уго, она поет колыбельную песню и говорит:

– Ты спишь, Уго? Что ты молчишь, мой сын? Не бойся, крошка, все кончилось уже, не надо бояться.

...Вот бродит по улицам шансонетная певица Жанна Перуджиа; ей предлагают есть – не может. Она забыла свое имя, мертвыми глазами смотрит на людей...

...На высоте четвертого этажа висит вниз головой человек, ущемленный за ногу, снять его нет возможности. Ветер срывает с него рубашку, развеивает волосы, его руки качаются, он кажется живым, в судорогах холода и боли.

Вот молит о помощи молодой человек; ему придавило ноги, но нет возможности вынуть его из-под обломков – они убили бы спасающих. Пришел хирург и отрезал юноше обе ноги. Когда его положили на носилки, он попро-

сил пить, сказал: «Благодарю, друзья», – и умер.

У старика убито три сына. Он сам, молча, укладывает их трупы в ящики и засыпает известью. Вытащили младшего, его голова расплющена, лица нет, мозги вытекли. «Это были красавцы», – строго говорит отец и падает на землю – мертвый.

В Реджио одна женщина просидела три дня под обломками, и все время на нее сверху капала кровь ее мужа и детей, раздавленных в комнате над нею. Она сама сильно израна и, конечно, сошла с ума.

В калабрийской хижине, на берегу моря, отрыли старика и старуху; он, положив свою голову на грудь ей, умирал. Когда их хотели поднять, старуха сказала:

«Оставьте, прошу. Он уже умирает, я тоже хочу умереть. Все наши дети погибли. Мы жили долго, довольно! Идите спасать молодых!»

Таких рассказов десятки, всего не перечислить; желающие пусть обратятся к доброй и простой книге Горького.

Так вот каков человек. Беспомощней крысы, но прекрасней и выше самого прозрачно-

го, самого бесплотного видения. Таков *обыкновенный человек*. Он не Передонов и не насильник, не развратник и не злодей, не корчитя ни перед какими «железными воротами» и не капризничает перед двумя, тремя и четырьмя и т. д. Анфисами. Он поступает страшно просто, и в этой простоте только скачивается драгоценная жемчужина его духа. А истинная ценность жизни и смерти определяется только тогда, когда дело доходит до жизни и до смерти. Нам до того и до другого далеко.

Октябрь 1909

Примечания

М. Горький и В. Мейер. Землетрясение в Калабрии и Сицилии. Изд. «Знание», СПб., 1909 г.

[^^^]